

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ПЗ7

Платова, Виктория Евгеньевна.
ПЗ7 Stalingrad, станция метро / Виктория
Платова. — Москва : Эксмо, 2019. — 512 с.
ISBN 978-5-04-099883-8

Елизавете всего восемнадцать. Отзывчивая добрая душа в тюрьме огромного, отталкивающего окружающих тела. Лиза мечтает о богатстве, о любви, о фигуре, как у Кэтрин Зета-Джонс. Но работать ей приходится в собесе, в жестокой реальности, где царят цинизм, прагматичность, немощность, алкоголизм и смерть. И с чего бы это Елизавета потянулась к одному из подопечных – к типу нетрадиционной сексуальной ориентации, вдобавок больному СПИДом? Ведь девушка фантазировала о принце, об этаким инопланетном дельфине. И вот – он пришел, закрутил и увлек ее в волшебный мир неуловимых грез...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099883-8

© Платова В., 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо»,
2019

МОЛЕСКИН

* * *

...Будучи купленной, эта вещь теряет две трети своего обаяния. Нет, три четверти. Нет — девяносто девять целых и девять десятых процента. Примерно так думала Елизавета Карловна Гейнзе, доедая яблочный штрудель и сверля вещь глазами.

Неделю назад Елизавете Гейнзе исполнилось двадцать. Дата не слишком почтенная и мало подходящая для употребления отчества: крамольная мысль о нем выползает, когда смотришь на Елизавету со спины. Со спины она похожа на мать семейства, которая большую часть жизни провела на сидячей работе и нажила не только полтора (а то и два) десятка лишних килограммов, но и сколиоз, остеохондроз и отечность лодыжек.

Из всего вышеперечисленного Елизавету волнуют лишь лодыжки: из-за тенденции к распуханию они не влезают ни в одни сапоги с логотипом более-менее приличной страны-производителя. А именно сапоги являются для юной Гейнзе предметом культа — гораздо более продолжительного, чем культ ТТ, но время ТТ в нашем повествовании еще не пришло.

Итак, сапоги.

Когда Елизавета делает вид, что слушает собеседника, или на самом деле слушает его; когда Елизавета думает о чем-то возвышенном и прекрасном и не занята при этом пожиранием сладкого — она рисует сапоги. На салфетках, обрывках бумаги, на обратной стороне счетов, на чеках из ближайшего кафе: в них, кроме яблочного штруделя, как правило, значатся:

шоколадный маффин,
шоколадный эклер,
шоколадно-ягодная корзинка,
благословенное тирамису.

В моменты просветления, по совместительству являющиеся и моментами самобичевания, место шоколадного эклера занимает круассан, а место шоколадно-ягодной корзинки — ватрушка с творогом.

На фигуре Елизаветы подобная жертвенность никоим образом не отражается.

— Лизелотта — ты чудовище! — воздевает руки к небесам Пирог. — Карьеры с такой жопой ты не сочинишь, как бы ни старалась.

— Возьмись за ум, Лайза! — вопиет Шалимар. — С такой жопой тебе не светит не то что олигарх, но и сраный менеджер по продажам. Твой потолок — токарь-карусельщик!..

Пирог и Шалимар (в миру — Машка Пирожкова и Ольга Шалевич) — единственные подружки Елизаветы, наследие не такого уж далекого школьного прошлого. Проблем со втискиванием лодыжек в сапоги у них нет и никогда не было, при этом Пирог предпочитает испанские модели (они более практичные), а Шалимар — итальянские. У Шалимара масса дыхателей,

а у Пирога — масса перспектив. Шалимар читает исключительно глянцево-журнальные журналы, Пирог же с головой погружается в специальную и околоспециальную литературу. Любимый персонаж Шалимара — Кэрри Брэдшоу из «Секса в большом городе». Любимый персонаж Пирога — некто по имени Наоми Кляйн. Впрочем, Елизавета не до конца уверена, что это именно персонаж. Скорее речь идет о писательнице-манифестантке, новоявленной Жанне д'Арк общества потребления. Пирог поклоняется ей, хотя и с гораздо меньшим фанатизмом, чем Елизавета поклонялась ТТ.

В ежедневном меню Пирога преобладают фруктовые салаты. Шалимар налегает на коктейли из морепродуктов и вообще — на коктейли (в основном алкогольные). Пирог с упоением строит карьеру, Шалимар — с неменьшим упоением — строит мужчин.

Они терпеть не могут друг друга и видятся один раз в год — на дне рождения у Елизаветы. Еще пару лет назад речь о такой жесткой конфронтации не заходила и они мирно встречались в близлежащих кафе — все втроем. Но то ли Пирог сказала Шалимару, что накладно добиваться жизненных благ, стоя раком (*спину-де может потянуть*); то ли Шалимар пообещала соблазнить потенциального начальника Пирога и выкинуть ее таким образом с потенциальной престижной должности, — факт остается фактом. Общаться напрямую они перестали. Но это вовсе не означает, что Пирог не думает о Шалимаре, а Шалимар не думает о Пироге. Думают, еще как думают — оставшиеся 364 дня в году.

— Ну и как там Шалимар? — первым делом спрашивает у Елизаветы Пирог во время традиционной встречи в первый понедельник месяца.

— Умотала со сталелитейным магнатом на остров Пасхи, — флегматично сообщает Елизавета.

— Ну и как там Пирог? — первым делом спрашивает у Елизаветы Шалимар во время традиционной встречи в третью пятницу месяца.

— Пересела на «Фольксваген Туарег», — флегматично сообщает Елизавета.

И остров Пасхи со сталелитейным магнатом, и чумовой внедорожник — плод ее воображения, не более. Пирог ездит на подержанном «Форде», а самыми крупными особями из постоянно заплывающих в сети Шалимара косяков до сих пор числились хавбек дублирующего состава сборной города по мини-футболу, владелец автостоянки и младший партнер в адвокатской конторе «Кошкин и Чемеркин» («Писькин и Пиписькин», как злорадно шутила по поводу младшенького и его конторы Пирог). Кормя подруг баснями, Елизавета не преследует никакой корыстной цели. Просто наслаждается произведенным ее словами эффектом, а он всегда одинаков: Пирог бледнеет как полотно и принимается трясти подбородком. Шалимар, напротив, краснеет и — вместо подбородка — трясет губами.

Вердикт, который они выносят, тоже не отличается особым разнообразием:

— Вот сучка!..

Но одной «сучкой» дело не ограничивается: на протяжении еще как минимум пятнадцати минут Пирог и Шалимар льют помой на более

8 удачливую, как им кажется, соперницу. За

время словесной экзекуции Елизавета успевает набросать на салфетке четыре пары сапог классического образца. Сапоги похожи друг на друга как братья — варьируется лишь высота голенища и рисунок на нем (предпочтение отдается растительным орнаментам и стилизованному изображению земноводных). Попутно она думает о токаре-карусельщике — единственном, кто, по мнению Шалимара, может клюнуть на толстую жопу г-жи Гейнзе. Прежде всего Елизавете представляется огромная — вся в огнях и фейерверках — карусель с полагающимся случаю традиционным bestiарием: слонами, верблюдами, львами и крокодилами, а также примкнувшими к ним северными оленями. Эти конкурирующие в живой природе виды вполне мирно уживаются на одном подиуме, вот у кого Шалимару и Пирогоу надо бы поучиться толерантности!.. Карусель — не какое-нибудь абстрактное сооружение, Елизавета специально ездила в городской парк развлечений «Диво-остров», чтобы изучить ее в подробностях. И даже зарисовала объект в потрепанном блокноте, на время изменив магистральной сапожной теме. Получилось симпатично. А вот человека, приставленного к карусели, симпатичным ни при каком раскладе не назовешь.

Отвратный тип. Старпер. Конченный ханыга.

Ханыга самым бесцеремонным образом шуганул Елизавету Карловну, стоило ей приблизиться к карусели на расстояние полутора метров, вытащить блокнот и нанести первые штрихи.

— Чего это ты тут вынюхиваешь? — гаркнул он едва ли не над самым Елизаветиным ухом.

— Ничего... А вы здесь работаете?

Елизавета всегда придерживалась теории, что вежливость, кротость и участие — ключ к любому сердцу. Но место сердца у ханыги, по-видимому, прочно занимала емкость с паленой водкой, и потому самый обычный вопрос, срикошетив от бутылочного стекла, вернулся к Елизавете довольно неожиданным ответом:

— Не твое собачье дело! Хромай отседова, кобыла! Проваливай подобру-поздорову. Всё ходят тут, всё едят... Хоть бы вы повыздохли все, писаки.

— А что это вы со мной так разговариваете? — Елизавета была уязвлена. — Оскорбляете и вообще... Сами вы кобыла.

— Хромай-хромай.

— Когда захочу, тогда и похромаю. Но вынуждена вас предупредить: хамство вам с рук не сойдет. Кто у вас здесь начальник?

— Дед Пихто.

Ханыга и сам был похож на фольклорного деда Пихто в его классическом варианте: свалявшаяся бороденка, сизый бородавчатый нос и лишенная какой-либо основательности мелкотравчатая фигура. Такого можно свалить с ног одним щелчком и окончательно добить одним-единственным правильно выбранным словом. Словом — бейсбольной битой, словом-аркебузой, словом — пушечным ядром. Беда в том, что таких слов в лексиконе Елизаветы Гейнзе нет. Они есть у кого угодно — у Пирога, у Шалимара, у кондуктора в трамвае, у охранника в супермаркете, у президента, у китайцев, у ТТ (конечно же, в первую очередь — у ТТ!), а у Елизаветы — нет. Лек-

10 сикон Елизаветы похож на свалку никчемных

и пыльных, затянутых паутиной зеркал: их поверхность приходит в движение лишь тогда, когда на горизонте появляется чей-то другой (гораздо более многоцветный и многообещающий) набор реплик, афоризмов и стойких идиоматических выражений.

Стоя у проклятой карусели, Елизавета как раз и обогатилась одним из таких выражений: «хромой отседова». Непонятно только, к чему его присобачить.

Ага. К назойливым поклонникам, от них не скрыться даже в женском туалете: того и гляди выползут из биде с букетом роз и слюнявыми признаниями в любви. «Ты красива, как бог», — станут причитать они, в то время как Елизавета, оправившись от шока, примется охаживать их вантузом. А уничижительное «хромой отседова» как раз и дополнит картину.

Ха-ха-ха, сказала бы Пирог.

Хи-хи-хи, не сдержалась бы Шалимар, посмотри на свою жопу, Лайза! Посмотри и кончай фантазировать.

Все верно, но... Не с потолка же взялось это самое «ты красива, как бог»! Елизавета уж точно его не придумала, с ее вяло функционирующей системой зеркал это невозможно. Более того, «ты красива, как бог» относится именно к ней и больше ни к кому. Что обычно нашептывают мужчины своим возлюбленным? Пупсик, масик, котик, солнышко, *зая моя* (есть и более эксклюзивные образчики, но все они редко выходят за страницы Красной книги и гербариев). А «ты красива, как бог» никогда не будет засушено, залито клеем и прошито суровыми нитками. Оно никогда

не будет переложено кусками пергаментной или папиросной (высший шик!) бумаги. Напротив, от него веет утренней луговой свежестью. Оно, собственно, и есть луг. Или — лес. Или — морская отмель. Или — любой другой не загаженный праздными толпами ландшафт. Рукотворный, если присмотреться.

Так и есть, «ты красива, как бог» создал единственный Елизаветин родственник, Карлуша. Карл Эдуардович Гейнзе. Ее отец. Хотя по возрасту Карлуша годился Елизавете в деды. Слишком поздняя женитьба, такое тоже случается. К тому же человек, которого выбрал Карлуша, оказался недостойным и непорядочным, а попросту — дрянью, что случается еще чаще. Человек бросил их с Карлушей, едва Елизавете исполнился год, значит, и говорить о нем нечего. Карлуша — совсем другое дело, о Карлуше можно написать роман. Цикл романов, а самый первый будет посвящен тому, как крошечный Карлуша — вместе с другими, но такими же несчастными соотечественниками — прятался в Кельнском соборе от бомбардировок союзников. Историю о том, как немецкий мальчик после войны оказался в России и сумел, несмотря ни на что, здесь выжить, Елизавета слышала в пяти интерпретациях:

— *романтической* (малолетний потешный немец влюбился в русскую регулировщицу в чине сержанта и отправился за ней в русскую же оккупационную зону);

— *прозаической* (малолетний потешный немец спасался от голода и прибил к хозчасти одного из полков и вместе с ним перекочевал в

— *леденящей душу* (малолетний потешный немец попал в лапы ужасного НКВД, был признан пособником нацистов и отправлен в Сибирь, а уже потом своим ходом добрался до относительно похожего на Европу Питера).

Интерпретаций *мало похожих на правду* было целых две: по одной из них малолетний потешный немец приглянулся маршалу Рокоссовскому, по другой — певице Лидии Руслановой. Это не объясняет послевоенных Карлушиных мытарств и безденежья, но объясняет наличие у Карла Эдуардовича шикарного, с перламутровыми вставками, аккордеона «WELTMEISTER» и патологическую любовь к безнадежно русской и безнадежно народной песне «Валенки».

Да-да, Карлуша играл на аккордеоне! И не только «Валенки», как можно было бы предположить, но еще как минимум пару тысяч композиций, включая «Маленькую ночную серенаду» Моцарта, «Половецкие пляски» Бородина, неаполитанские песни, песни восточных славян и, конечно же, «Полет шмеля». Под аккомпанемент «Полета...» (в котором Карлуша раскрывался как непревзойденный аккордеонист-виртуоз) прошло все Елизаветино детство и часть отрочества. Заслышав первые, хорошо знакомые такты, младенец Елизавета прекращала плакать и пускала слюни восторга; ребенок Елизавета прекращала плакать и больше не требовала живую зебру; школьница Елизавета прекращала плакать и добровольно отказывалась от обещанной еще летом турецкой дубленки.

На дубленку, а уж тем более на зебру у Карлуши вечно не хватало бабла. Притом что, постоянно играя на свадьбах, юбилеях и прочих **13**

торжествах (включая похороны), зарабатывал он неплохо. Но деньги в их доме не держались. Они тратились на псевдоантиквариат, глупейшее коллекционирование марок и монет, лотерейные билеты, переписку с немецкими судебными инстанциями на предмет предоставления безвозвратно утерянного **deutschen** гражданства и, конечно, на выпивку.

Да-да, Карлуша был алкоголиком! Тишайшим и нежнейшим, но все же алкоголиком! Нажравшись, Карлуша не устраивал дебошей, не поднимал руку на дочь и не выносил из дома последнее. Напротив, он вел себя пристойно, припоминал все новые умопомрачительные подробности кельнского периода жизни (иногда не на шутку пугавшие Елизавету) и даже пытался объяснить все свои нелепые с точки зрения нормального человека поступки. В трезвом виде до подобных объяснений Карлуша не снисходил.

«Все, что я делаю, я делаю для тебя, моя пупхен, мой блюмхен!¹ — заплетающимся языком провозглашал он. — Я не из тех преступных отцов, что после смерти оставляют свое чадо без гроша за душой. И мне вовсе не улыбается, чтобы обиженная дочь плевала на мою могилу. Хочу, чтобы моя могила всегда была в цветах, а для этого нужно постараться еще при жизни».

Разговоры про смерть вообще и про могилу в частности страшно тяготили Елизавету — но только до тех пор, пока она не поняла, что для Карлуши это всего лишь фигура речи, не более. Карлуша не собирался умирать, он собирался

жить вечно и при благоприятном раскладе понять не только своих внуков, но и правнуков. Это называлось «увидеть на нашем старинном и могучем генеалогическом древе новые молодые листочки».

— Очень бы хотелось взглянуть на другие ветви этого древа, — замечала Елизавета. — Осмотреть его, так сказать, целиком.

— Придет время — и взглянешь, мой блюмхен.

— А оно еще не пришло?

— Нет.

«Нет» заключало какую-то (возможно — чудовищную) тайну и получалось у Карлуши неподражаемо. Он закатывал глаза, причмокивал губами, левую руку прижимал к сердцу, а правой судорожно описывал в воздухе ромбы и окружности. Подобный комплекс телодвижений Карлуша осуществлял неоднократно, и всякий раз у не в меру впечатлительной Елизаветы бежали мурашки по коже.

— Скажи честно, — понижала она голос до трагического шепота, — среди наших родственников был... м-м... Гитлер?

— Господь с тобой, блюмхен, — таким же трагическим шепотом отзывался Карлуша. — Только Гитлера нам и не хватало!

— Кто-нибудь из нацистской верхушки?

— Ты имеешь в виду самую верхушку?

— Не ниже Бормана.

— Не ниже Бормана — никого.

— Может, мы состоим в родстве с представителями большого бизнеса? — пробовала зайти с другой стороны Елизавета. — Круппы, и все такое...

- Не пытай меня.
- Высший свет? Королевские особы?
- Ни слова больше, блюмхен! Я нем как рыба.
- ...речь идет о ком-то из «Аннанербе»? Кто предпринял экспедицию на Тибет, нашел Шамбалу и ему открылось Тайное Знание?..

Больше всего Елизавету устраивал вариант с Тайным Знанием, включающим в себя — кроме всего прочего — способности к телепортации, левитации, бесконечной реинкарнации и свободное владение языком животных. Пуленепробиваемый носитель Тайного Знания мог до поры до времени и не подозревать, что он — носитель, но... Рано или поздно явится некто, кто откроет носителю его избранность, — и тогда жизнь чудесным образом изменится. Как именно изменится жизнь, Елизавета представляла слабо. Примерно так же, как в маловразумительных эпосах с летающими китайцами. Или в ретробоевиках про монахов Шаолиня. Вкратце помечтав о недостижимой — раскосой и поджарой — избранности, Елизавета переходила к другим мечтам — о родственниках Круппах, родственниках-аристократах и родственниках — членах королевских семей. Совсем неплохо оказаться наследницей гигантского состояния, поиметь личного шофера, личного чистильщика аквариумов и личное бриллиантовое кольцо стоимостью в полмиллиона долларов! Лето можно будет проводить в Европе, осень — в Южной Африке, а зиму — на Карибах, а круглогодичное глаzenie из окна на мрачный российский пейзаж с помойкой забудется, как страшный сон.

Непонятно только, почему столь феерическая

16 «дольче вита» все откладывается и откладыва-

ется и почему Карлуша не торопится приобщить к ней дочь и приобщиться сам. Ведь их нынешнее существование нельзя назвать ни *дольче*, ни даже *витой*. Карлуша все-таки поганец, как ни крути!..

Впрочем, Елизавете все же посчастливилось унюхать запах «дольче вита». Это произошло месяцев за шесть до окончания школы, в депрессивном питерском декабре, когда приближение Нового года легко спутать с приближением Апокалипсиса. Настроения в доме тоже царили апокалиптические, особенно после телефонного звонка, раздавшегося около полуночи. Ничего необычного в нем не было, Карлуше звонили и позже, и много позже, а могли позвонить и в пять утра, дабы срочно заткнуть дыру, образовавшуюся в музыкальном сопровождении чьих-либо свадеб или похорон. Но этот звонок был особенным и напрочь выбил Карлушу из колеи. Едва сняв трубку и услышав на ее противоположном конце чей-то голос, он изменился в лице. Затем заслонил мембрану рукой и почему-то метнулся в ванную, плотно прикрыл за собой дверь и пустил воду.

На обычную прелюдию к свадебно-похоронному дивертисменту **grandioso** это не походило никак.

«Началось, — тотчас подумала Елизавета. — Объявились родственники, слава те, Господи!»

Следующие десять минут она простояла у двери, пытаясь (хотя бы приблизительно) уловить нить разговора, — тщетно. Монотонный шум воды свел на нет все попытки проникновения в Карлушину тайну, но и в нем при желании можно было найти положительную сторону.

Солнечную сторону.

На солнечной стороне расположен вполне себе живописный водопад, а у его подножия — маленькое озерцо с кувшинками, водяными лилиями и цветущими лотосами. Но и это еще не вся красота, *не главная* красота! Главная красота заключена в дереве, что растет у самой воды: том самом генеалогическом древе рассеянного по свету семейства Гейнзе. До сих пор оно было скрыто от внутреннего взора Елизаветы, но теперь вдруг предстало во всей своей мощи: необъятный ствол, крепкие нижние ветви и подпирающие облака верхние. Дерево цвело и плодоносило одновременно — и этот ботанический нонсенс не вызывал у Елизаветы никакого протеста. Как не вызывали протеста гроздья бриллиантов, парикмахеров и чистильщиков аквариумов, свисающие с ветвей. Как не вызывали протеста прогулочные яхты, личные самолеты, не менее личные вертолеты и дорогие автомобили — они курсировали по стволу, не сталкиваясь и не мешая друг другу.

«Не исключено, что замок Дракулы, форт Байярд и часть португальской Коимбры тоже принадлежат нам», — решила про себя Елизавета и тут же получила ощутимый удар по лбу — это Карлуша настезь распахнул дверь их королевской (3 на 1,5 метра) ванной комнаты.

— Подслушивала? — вяло поинтересовался он у дочери.

— Пыталась. Но все равно ни черта не услышала. Кто звонил-то?

— Никто.

— Никто?

18 — Не важно кто, — нехотя уточнил Карлу-